

щастіи ближняго своего не чувствуют движе-
 ній сердца и дѣйствій состраданія. Сіе произ-
 ходитъ не отъ одного жестокосердія или
 окаменѣлой нечувствительности сравниваю-
 щей челоуѣка съ несмысленнымъ скотомъ, но
 по большей части отъ того, что при воспи-
 таніи не внушены ему правила братолюбія,
 обязанности къ ближнему, священнѣхъ должно-
 стей общежительнаго бытія, не посѣяны въ
 сердцѣ его сѣмена жалости, снисхожденія,
 состраданія, челоуѣколюбія, не истолковано
 ему о цепи связывающей челоуѣка съ чело-
 уѣкомъ, но открываемы только были ему
 таинства оудовлетвореніи единыхъ своихъ
 прихотей, о удержаніи пышными и расточи-
 тельными средствами значности своего рода,
 о извѣявленіи шѣмъ въ кругѣ своемъ глупаго
 высокоумія, слабоумія, и пустозвонной важ-
 ности. Въ семъ улажденіи самолюбія утопая
 челоуѣка видѣ на себѣ носящій дѣлается
 нечувствительнымъ ко всему тому, что не
 имѣетъ на собишвенное его утѣщеніе вліянія.
 Такому самолюбцу непонятно всегда будетъ
 то, что челоуѣколюбіе есть узелъ невидимо
 связывающій Француза съ Китайцомъ, жителя
 Мадрида съ жителемъ Курильскихъ остро-
 вовъ, Италіанца съ Камчадаломъ. Челоуѣко-
 любіе есть условіе обязывающее равно всѣхъ
 членовъ великаго семейства, коего различные
 народы суть части разпредѣленные по раз-
 нымъ мѣстамъ земнаго шара. Никакое отда-
 леніе, никакое различіе народа не извѣмлетъ
 челоуѣка изъ обязанности природою пред-